
pocket**book**

rocket**book**

СИРИЛ МАССАРОТТО

*Маленькая ложь
Бога*

МОСКВА
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М32

Cyril Massarotto
LE PETIT MENSONGE DE DIEU
Copyright © XO Éditions, 2014. All rights reserved

Перевод с французского *С. Васильевой*

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дурасова*

Массаротто, Сирил.

М32 Маленькая ложь Бога / Сирил Массаротто ; [пер. с фр. С. Васильевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 224 с.

ISBN 978-5-699-88193-2

Сирил Массаротто решил вернуться к героям своего первого, ставшего бестселлером романа «Бог мой приятель». Что будет после смерти? Точнее, будет ли что-нибудь после того, как окончится земная жизнь? Главный герой попадает в потусторонний мир. Он привык считать Бога своим приятелем, союзником, который уверенно ведет его по жизни, подкидывая верные решения. Но выяснилось, что и Бог иногда не говорит всей правды...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Васильева С., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88193-2

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Пролог

На момент моей смерти

Когда мне исполнилось тридцать лет, я подружился с Богом. Мы стали друзьями. Эта дружба длилась три десятилетия: тридцать лет смеха, полного взаимопонимания и доверия. Так могло бы продолжаться и гораздо дольше, но, к сожалению, я только что умер.

Ничего особенного, смерть как смерть: острое нарушение мозгового кровообращения, короче говоря, инсульт. На деле — пара головокружений, потом обморок и — раз! — конец. Занавес.

Я страшно разозлился, что умираю таким молодым, ну да ладно, надо признать, что все прошло неплохо, я не почувствовал ни малейшей боли. Это меня несколько утешило, поскольку я всегда был страшно чувствителен к физической боли; если проще, Бог говорит, что я кривляка,

ну да это ведь Бог, он такой — любит надо мной приколоться.

А может, уже надо говорить, что он *любил* надо мной приколоться? Может, мне пора говорить о себе уже в прошедшем времени — раз я умер?

Надо сказать, что все это довольно-таки неприятно. Хотя я уже давно был в курсе того, что с нами происходит, когда наша жизнь кончается, я все же был потрясен. Гораздо больше, чем можно было бы себе представить.

Я думал, что перенесу свою смерть легко, а на деле оказалось, что нет: умирать — дело серьезное.

В моей жизни было немало волшебных минут, незабываемых радостных мгновений, но были и страшные драмы, непреодолимые невзгоды — думаю, как и у всех мужчин и женщин на этой земле. Но в отличие от всех остальных мужчин и женщин мне невероятно повезло, потому что во все эти мгновения рядом со мной был Бог. Он был у меня не в мыслях, не в душе, нет, он на самом деле был рядом. Я не обращался к нему ни с просьбами, ни с молитвой, все это было абсолютно ни к чему: мне достаточно было просто поговорить с ним. Я знал, что он — мой настоящий друг, что он всегда рядом, всегда готов под-

держат и понять меня, и это делало мою жизнь совершенно особенной.

Теперь же, когда я умер, я, наоборот, знаю, что мне предстоит отказаться от всех привилегий, которые давала мне дружба с Богом: больше никаких поблажек, я такой же жмурик, как и все остальные. Потому что я прекрасно знаю (мы говорили с ним об этом десятки, нет, сотни раз) что там бывает после смерти: ничего.

Совсем ничего

Ни рая, ни ада.

Только надгробная плита.

Узнав про это «ничего», я был в шоке. Хотя до встречи с ним я не был верующим человеком, но все же где-то в подсознании у меня имелось некое смутное представление о том, что будет после — нечто туманное, вроде награды для тех, кто в течение жизни поступал хорошо, и попутно — наказание для остальных.

Так вот нет. Ничего подобного.

Однако, если после смерти и правда ничего нет, я знал уже давно, что в момент самой смерти что-то все же есть. Что-то очень важное. Последнее, что нужно сделать, — дать ответ на Вопрос.

Ах, этот Вопрос! Сколько времени при жизни я ломал себе над ним голову, пытаюсь предста-

вить его себе! Всеми мыслимыми и немыслимыми способами я подмазывался к Богу, чтобы тот хотя бы заговорил о нем, в надежде, что он даст мне ниточку, какой-то знак — малюсенький. Но у меня так ничего и не вышло — надо отдать ему должное: у Бога есть принципы, и он ими не попускается.

В самый момент моей смерти, то есть всего несколько секунд назад, Бог задал мне наконец свой знаменитый Вопрос, тот самый, который он задает каждому из нас.

Вопрос Вопросов.

Сказать, что я был изумлен, — это ничего не сказать: оказывается, мне предстоит решить, должно ли человечество существовать дальше, да или нет.

Вот так.

Очень просто.

Просто, да все же не легко. Потому что дело в том, что ответ каждого умершего падает на чашу весов, где уже находятся миллиарды предыдущих ответов. И если в один прекрасный день число «нет» перевесит число «да», человечество окончательно погибнет.

Так что все очень даже серьезно.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать, что речь и правда идет о Страшном Суде, с той лишь разницей, что здесь не Бог су-

дит людей, а люди попросту судят самих себя. И от голосования не отвертись — да-да, я спросил на всякий случай.

Как только мы даем ответ, наша последняя задача считается выполненной, и мы умираем насовсем. Таковы условия договора.

Я обратил внимание Бога на то, что для последних мгновений нашей жизни обстановочка получается средненькая, что он мог бы уж постараться и устроить что-то вроде небольшого праздника, пирушки, но у него, похоже, не было настроения шутить, и тогда я тоже принял серьезный вид и стал размышлять над тем, что же мне ответить на Вопрос Вопросов.

Протянув немного время, что, как мне кажется, было вполне законно, я пришел к выводу, что, хотя бы ради тех, кто мне дорог, ради моего сына Лео, внучки Ивуар, а также в память об Алисе, моей дорогой Алисе, с которой я так надеялся встретиться когда-нибудь там, наверху, — то есть здесь, я могу дать только один ответ. Конечно же, человечество должно жить дальше.

Тогда я просто ответил: «да».

И закрыл глаза, смакуя последнее мгновение своего существования. Я только что произнес свое последнее слово, внес свой вклад в огромное

дело: я рассудил, что человечество должно жить дальше. «Да» — прекрасное последнее слово, гуманный поступок, дающий остальным надежду на будущее, которого у меня больше не было.

Я уходил из жизни с легким сердцем, на пределе восторга.

Я стоял с закрытыми глазами, крепко зажмурившись, как бывает, когда боишься, что тебя сейчас ударят, и не знаешь, с какой стороны последует удар, в ожидании... не знаю, боли, что ли, в тот момент, когда моя душа растворится в небытии, чего-то вроде электрического разряда, или это будет как испарение? Но ничего не произошло. Похоже, это будет дольше и тяжелее, чем можно было ожидать, подумал я и, втянув голову в плечи, стал ждать, когда дамоклов меч упадет на меня и разорвет мне душу.

Я ждал.

Ждал.

Маленькая ложь

Я жду уже секунд двадцать — целую вечность. Но ничего не происходит. Тогда я осторожно приоткрываю один глаз: Бог стоит напротив меня, как и стоял. И так странно на меня смотрит.

— Я все еще здесь?

— Да.

— Ну, так давай, делай что там положено, хлопай в ладоши, щелкай пальцами, чтобы я исчез! Я готов.

— Знаешь...

— Что? Ты еще не решил? Ты хочешь меня оставить?

— Ну, я бы выразился несколько иначе, но в общем, да, что-то в этом роде...

— Правда? Ты хочешь сделать мне поблажку? Ох, дружище, ну ты меня и обрадовал! Нет, правда, лучше тебя нет на свете!

— На самом деле это не совсем поблажка...

— Да назови это как хочешь, мне плевать! Дай-ка я тебя обниму...

— погоди, успокойся и послушай меня пару секунд...

— Слушаю, слушаю — сколько хочешь!

— Так вот, чтобы ты знал — это для всех одинаково.

— Что — одинаково? О чем ты?

— Ну как тебе объяснить, чтобы ты не нервничал... Я про жизнь после смерти. Получается, что я говорил тебе не совсем правду, не всю правду.

Я не верил своим ушам... Неужели все это время он что-то скрывал от меня?

Тридцать лет мы были вместе, делили на двоих все переживания, радости и невзгоды, тридцать лет каждый вторник он приостанавливал вечером время, чтобы мы могли побыть вдвоем, поболтать обо всем и ни о чем, главное — посмеяться вдоволь, и вот теперь — такое?

Неужели все эти тридцать лет мой лучший друг так чудовищно лгал мне, а я ему верил?

— Как это — «сказал не совсем правду»? Надеюсь, ты шутишь?

— Нет, я серьезно.

— Ты мне солгал.

— Да. Но ты же знаешь, я всем вам лгу. Ты сейчас поймешь...

— Ничего я не собираюсь понимать! Нельзя вот так играть с человеческими чувствами! Ну и ну! Поздравляю! Bravo! Ну ладно я, мы знаем друг друга, но остальные-то, остальные! Они впервые встречаются с Богом в самый страшный момент своей жизни, если можно так выразиться, и ты с ходу врешь им в глаза! Хорошенькое дельце! Просто класс! Мои поздравления, Господи Боже мой!

— Я так и знал, что ты разнервничаешься...

— Хочу тебе напомнить, что ты начал с того, что заверил меня, будто бы Вопрос вопросов...

— Стоп!

Он поднимает руку, жестом призывая меня замолчать. Немного помедлив, я все же уступаю ему слово. Если честно, то мне и самому любопытно, что он скажет, а поворчать я и после успею...

— Вопрос Вопросов, будущее человечества — все это правда. Ты покончил со своими земными делами. Но душа твоя никуда не исчезнет. Во всяком случае, не сразу. Да ты скоро сам все поймешь. А теперь, пожалуй, продолжим церемонию перехода в мир иной, если ты не против?

— Я так понимаю, что у меня нет выбора?

— Практически нет.

— Так чего же тогда меня спрашивать? Валяй!

Бог отворачивается и какое-то время стоит спиной ко мне, словно сосредоточиваясь на чем-то. Затем обеими руками очерчивает полукруг прямо перед собой в направлении непроницаемой массы облаков. Облака начинают медленно двигаться, и вдруг сквозь них прорезается золотой луч, потом другой. А потом десятки лучей начинают бить отовсюду, так что мало-помалу все пространство перед Богом заливается золотым светом, который медленно сгущается, принимая форму огромной арки, за которой виднеет-

ся длинная лестница, спускающаяся к зеленому лугу.

И тут он оборачивается ко мне, протягивает руку к арке и торжественно, самым серьезным тоном говорит: «Человек, дитя мое, плоть от плоти моей, брат мой, добро пожаловать в Смерть».

Я жду продолжения, но ничего не происходит. Тогда я позволяю себе вопрос:

— И что, это срабатывает?

— Что именно?

— Да вот это: «Добро пожаловать в Смерть».

Считается, что это должно впечатлять?

— Ну, не скрою, кое-какой эффект это производит...

— Как мало людям надо!

— Ну, конечно, они же не вы, господин привереда...

— Да, привереда, потому что мне надоело твое вранье! Я-то думал, что все, конец, а тут, оказывается, полагается еще добавка!

— Да погоди ты, сейчас все поймешь! Уж поверь, что, если я не сказал тебе, что после жизни есть что-то еще, у меня были на то свои соображения!

— Еще бы, ты же — Бог, у тебя всегда есть свои соображения... Короче, что это за место такое?

— Пойдем туда, и я все тебе объясню, согласен?

— Это что, экскурсия?

— Ну да, что-то в этом роде.

— Ну, давай, я за тобой.

— Нет, ты должен пройти первым.

— Вот как?

— Ну да. Так надо: Бог не должен входить в Смерть прежде...

— Мертвеца.

— Именно.

— Скажешь, это — логично? Ну, ладно, иду первым.

Я спускаюсь по белым ступеням, а сам думаю: что же меня там ждет? Я только что пережил потрясение — сначала от собственной смерти, затем — от Вопросы Вопросов; потом я уже было решил, что вот-вот исчезну насовсем, а теперь вот еще и... это — не знаю, что и как называется.

Столько переживаний за несколько минут — не много ли на одного человека? Могу себе представить, что происходит с остальными! Ведь им, кроме всего этого, приходится еще и примириться с мыслью, что Бог таки существует! Бедняги... У них явно ум за разум должен заходить!

Как бы то ни было, я все еще живу, вернее — существую так или иначе, и, думаю, в глубине